

О.И. Чеснокова

Православный взгляд на проблемы пола в русской культуре XX века

Христианство как мировая религия спасения обращается к душе каждого конкретного человека, к душе мужчины и женщины, ставя их перед выбором добра и зла. Эта религия возникла в среде мистически настроенных иудеев две тысячи лет назад и прошла в своем развитии от церкви гонимой до церкви торжествующей, что отразилось на формировании ее догматов и таинств. В это время часто возникали богословские споры по вероисповедным вопросам и многочисленные ереси. Проблемы пола, брака, семьи в христианстве освещались с различных позиций. Взгляды Филона Александрийского не совпадали с идеями Августина Блаженного или Фомы Аквината. Отголоски этих споров мы находим в современном христианстве. Целью нашего исследования является компаративный анализ идей ортодоксального и неортодоксального современного православия по проблемам пола. Представителями неортодоксальной точки зрения выбраны известный современный русский философ Сергей Сергеевич Аверинцев, малоизвестный у нас православный мыслитель Павел Николаевич Евдокимов (во Франции он считается самым крупным православным мыслителем после Н. Бердяева) и христианский культуролог Татьяна Михайловна Горичева, православная феминистка, родившаяся в 1947 году в Ленинграде. В 1980 году она была выслана из СССР. Сейчас живет и работает во Франции.

Их идеи являются результатом философских раздумий в русле православия. Они не могут претендовать на звание догматов. Догмат отличается от теологумена и частного богословского мнения. Теологумен – это богословское мнение святых отцов единой нераздельной Церкви. Поэтому содержание догмата истинно, содержание теологумена вероятно, а частное богословское мнение является лишь собственной догадкой мыслителя, с которой можно полемизировать.

Все же думается, что спорные идеи неортодоксального крыла православия в качестве своего фундамента содержат основные христианские догматы. Сущностью этой традиционной точки зрения является то, что Бог «сотворил человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» [1]. Как мужчина не может существовать без женщины, Адам – без Евы, так и женщина не может существовать без мужчины. Оба должны быть в совершенном духовном и физическом единстве, чтобы исполнить цель своей природы и жизни: достигнуть подобия Божия. Рассуждая о природе полов, протоирей Фома Хопко называет различие между полами «драгоценным даром, не сводимым лишь к физическому или биологическому устройству» [2], они – как бы два различных образа существования в одном человечестве.

Второе догматическое положение гласит, что причина существующей разницы между полами – в их различном призвании. По образу Христа, Нового Адама, и Церкви – мужчина и женщина призваны быть отцом и матерью «всего живущего», всего мироздания, тем самым, воплощая изначальную волю Божию о творении. Церковь усматривает назначение женщины не в простом подражании мужчине и не в соревновании с ним, а в развитии всех дарованных от Бога способностей, в

том числе присущих только ее естеству. В работе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечается, что «...христианская антропология отводит женщине гораздо более высокое место, чем современные безрелигиозные представления. Стремление уничтожить или свести к минимуму естественные разделения в общественной сфере не свойственно церковному разуму. Половые различия, подобно различиям социальным и этническим, не затрудняют доступа к спасению, которое Христос принес для всех людей» [3]. В этой связи возникают следующие вопросы? Что такое «различие» – это дар или наказание? В чем это различие проявляется, сводится ли оно к физическому и биологическому «устройству тел», либо имеет социокультурную и символическую ипостась? И, наконец, каково место мужчины и каково место женщины, оно раз и навсегда дано или задано? Ведь еще гуманисты эпохи Возрождения говорили, что не дал Господь Бог человеку определенного места в мире, он должен сам обрести его с помощью свободы воли, дарованной ему Богом. История свидетельствует, что различия между полами часто становились источником вражды. Современные богословы отмечают, что тирания мужчины над женщиной также недопустима, как и обратная тирания, то есть стремление женщин сделаться мужчинами, занять их позицию в жизни. Антифеминистский подтекст этого положения достаточно ясен. Западные радикальные феминистки обвинили бы православие в сексизме (т.е. в принижении роли женщины в культуре). Что же касается славянских феминисток, то их реакция могла быть неоднозначной, вплоть до принятия идеи «равенства в различии».

Третьим христианским догматом является почитание Пресвятой Богородицы. По православному учению, благодатная Мария, благословенная между женами, явила собою ту высшую степень нравственной чистоты, духовного совершенства и святости, до которой смогло подняться человечество и которая превосходит достоинство ангельских чинов. В ее лице освящается материнство и утверждается важность женского начала. При участии Матери Божьей совершается тайна Воплощения; тем самым Она становится причастной к делу спасения и возрождения человечества. Церковь высоко почитает евангельских жемироносиц, а также многочисленных христианок, прославленных подвигами мученичества, исповедничества и праведности. Высоко оценивая общественную роль женщины и приветствуя политическое, культурное и социальное равноправие их с мужчинами, христианская Церковь выступает против современной тенденции умаления роли женщины как супруги и матери. «Фундаментальное равенство достоинств полов не упраздняет их естественного различия и не означает тождества их призваний как в семье, так в обществе» [3, с. 46]. Можно оценить эти слова как достаточно взвешенную диалектическую позицию.

Эти идеи развиваются также в работе протоирея В. Свешникова «Очерки христианской этики». Он называет современные семьи «полной разрухой», где «не видно ни стремлений к уважительному послушанию у жен, ни к ответственному служению у мужей». В идеале муж должен быть «во главе жены». А жена «да убьется своего мужа». Богослов объясняет, что это «убьется» жены по отношению к мужу выстраивает тот нормальный Божественный тип супружеского единства, который представляет собой не парламентскую республику, и тем более не «иерархию наыворот», когда жена становится во главе семьи. Любовь жены должна иметь характер уважительного послушания [4].

Эти ортодоксальные православные идеи оригинально развивались и развиваются в работах неортодоксальных богословов и философов XX века. В России существовали богатые традиции теологии и философии пола, которые были прерваны в 20-х годах XX века, но восстановлены в эмиграции самими мыслителями и их талантливыми учениками. Среди них можно назвать Павла Николаевича Евдокимова. Он пока практически неизвестен русскоязычному читателю. В 1922 году он эмигрировал из России, в 1928 – окончил Право-

славный Богословский институт преподобного Сергия в Париже. Наибольшее влияние на него оказали Николай Бердяев и о. Сергей Булгаков. Как вспоминал П. Евдокимов: «Один – свободный философ, другой – священник и профессор догматического богословия, но каждый из них по-своему говорили о свободе Православия, о его профетической миссии, делая особый акцент на действии Духа Святого» [5]. В 50-е годы начался период его активной работы как писателя-богослова и как религиозного философа. В 1958 году он пишет книгу «Женщина и спасение мира: О благодатных дарах мужчины и женщины». Через 40 лет она была переведена на русский язык. Но многие идеи этой работы могут быть востребованы сегодня не только верующими, но и неверующими интеллектуалами. Однако его спокойная, взвешенная позиция о месте и судьбе женщины может вызвать шквал обвинений в антифеминизме. Одна из глав книги так и называется: «Ложь и истина феминизма». С одной стороны, он объясняет и исторически обосновывает необходимость возникновения женского движения за равноправие. С другой, он обращает внимание на «ложь» феминизма – потребность в равноправии делает женщину агрессивной, она «заражается болезнями мужчины: ее манит и влечет удовольствие» [5, с. 176]. По мнению П. Евдокимова, у женщины свое предназначение и свое место в историческом, онтологическом и эсхатологическом плане, «ибо женщина призвана вносить в культуру именно женственность как особый образ бытия и незаменимый способ существования» [5, с. 178]. Женщина – это существо, тонко чувствующее Бога. Но в ней заключено противоречие: именно поэтому она легко впадает в грех, но она же является носителем религиозного чувства, его проводницей и воспитательницей. В русской религиозной философии «пол» – это не биологическая и не политическая категория, а духовно-онтологическая. Он одновременно и дан и задан. По мысли П. Евдокимова, западный феминизм останавливается на политической, феноменальной реальности и не идет вглубь, не исследует реальность ноуменальную.

Идеи другого мыслителя – Татьяны Михайловны Горичевой, родившиеся двадцать лет назад, явились закономерной реакцией на уроки советской истории. Она заявила о своем разрыве как с «левым» западным феминизмом, так и с русской «поверхностной» революционно-демократической традицией. Организация ленинградских феминисток ориентировалась на духовные ценности православной религии, на образ Богородицы, на традиции русской религиозно-философской мысли серебряного века [6]. Горичева в одной из ранних статей раскрыла причины ренессанса славянского феминизма. Она говорила о глубоком кризисе современной культуры, нацеленной на «тупое воспроизводство материальных благ». В России тогда была самая тревожная ситуация, потому что народ отказался от Бога. По ее мнению, из этого тупика есть выход – «это внутреннее духовное воскресение славянского человека» [7]. В такой духовной революции именно женщина будет играть главную роль, потому что только женские ценности любви, чувства и сердца спасут мир. Освобождение женщины – это не столько политическая, сколько духовно-онтологическая задача. Советскую власть Горичева определяла как «псевдо-матриархат». Выход из этой ситуации она видела на путях христианизации нашего общества. Изменились ли ее взгляды сегодня? Представление об этом дает ее открытое письмо «О России с любовью», опубликованное в начале 2000 года. Она пишет, что испытала сильное потрясение на «свободном Западе», так как он оказался абсолютно безразличен к христианскому призыву. На ее лекциях по духовной культуре России возникали серьезные проблемы с переводом некоторых христианских понятий, таких, как «смирение» или «старец». Слово «грех» существует, но никто его уже не понимает, а тем более не употребляет. Ее статья не освящает проблемы феминизма, но в ней

идет речь об институте «духовников», о «старцах», в которых Горичева замечает «невероятное, благодатное сочетание любви, нежности, ласки (*т.е. женских добродетелей – прим. авт.*) со строгостью великой (*т.е. мужской добродетелью – прим. авт.*)» [8]. В современном мире женщина продолжает отстаивать идею равенства и в результате превращается в «тоталитарного андрогина». Поэтому один из главных вопросов славянского христианского феминизма – «как открыть в женщине женское и дефеминизировать мужчину?» – остается актуальным и сегодня. Это частное мнение религиозного мыслителя, его можно принимать или полемизировать с ним. Но, во-первых, оно отражает если не букву, то дух православия. Во-вторых, в нем выражено желание христиан отказаться от «завороженности силой» и создать гармоничный мир мужчин и женщин, которые когда-нибудь достигнут образа Божия.

Эти мысли созвучны позиции отнюдь не феминистски настроенного современного русского философа Сергея Сергеевича Аверинцева. В 1997 году он написал статью «Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи», в которой рассмотрел проблемы пола в свете христианских моральных ценностей. По его мнению, в современной культуре существуют три возможных решения проблемы пола. Для их описания он прибегает к метафоре «неисправных часов». «Христианин – это здравомыслящий зануда, которому при виде неправильно идущих часов является тривиальная мысль, что их надо снести в починку. А ведь возможны идеи куда более интересные и острые. Например: никакого правильного времени все равно нет, правильное время – догматическая и авторитаристская выдумка. То, что показывают часы, и есть один из возможных ответов на вопрос: который час. Или так: часы есть предмет столь презренный, хотя бы по своей ориентации не на вечность, а на время, что их надо не чинить, а поскорее разбить» [9]. Другими словами здесь отражены три возможные философские позиции, в том числе и по проблеме пола: традиционализм, релятивизм и негативизм. Это ирония по поводу некоторых философских изысканий нашего времени. В определенном смысле это форма критики современных западных и славянских феминистских/гендерных концепций. Ведь феминистские исследователи сомневаются сегодня в том, существует ли пол вообще, мужской и женский в частности, а может быть полов множество, и половая идентичность не относится к сущности индивида, являясь лишь его границей, горизонтом или пределом. Аверинцев отстаивает традиционную точку зрения, противопоставляя ее релятивизму и негативизму. Его идеи развиваются в русле концепции «естественного предназначения полов». Он анализирует нравственную составляющую этого вопроса и говорит об отличии западных и славянских ценностей. Так, например, «равенство полов», «свобода», «демократия», «либерализм» – это ряд западных ценностей, которые успешно проникают в Евразию, на Восток под названием «общечеловеческих». Понятия «грех», «смирение», «предназначение женщины и мужчины» для западной культуры непонятны, они ей чужие. В современной культуре наиболее распространенными воззрениями на плотское бытие человека (противоположными христианству, становятся «неоязычество» и «манихейство» («ангелизация» или «демонизация» пола).

Первое – неоязычество: «пол не только не нуждается в очищении и освящении – напротив, он, и только он, способен оправдать и освятить все остальное. Когда-то на эту тему декламировали романтики и Ницше, потом Вас. Розанов и Д.Г. Лоуренс. Ныне это – реклама «девушек без комплексов». Второе воззрение: неоманихейское: пол до того дурен, дурен сущностно, онтологически, что не оправдать, ни освятить его заведомо невозможно. На первый взгляд, эти представления противоположны, но это скорее *настроения*, которые сменяют друг друга как эйфория и депрессия у невротика. Все можно и все гнусно. Если гнусно, то по отношению к какой точке отсчета?», – спрашивает философ.

Традиционное христианское учение о плотском естестве человека – не так радужно, но и не так безнадежно. Природа человека испорчена, но не дурна изначально. Зло похоти – это зло духовное, а не плотское. Растление плоти – это материализация растления духа. «Пол как таковой, – на языке наших современников – секс, – есть абстракция, имеющая смысл в контексте анатомии и физиологии, но отсутствующая в «экзистенциальной» реальности человека – именно потому, что человек есть существо, телесная жизнь которого никогда не может иметь невинной самоидентичности телесных отправлениях животного» [9, с. 360]. По мысли С. Аверинцева, пол сам по себе, как предмет соответствующих научных дисциплин, духовно, нравственно и эстетически бескачественен (экзистенциально – он есть нечто не существующее); свою злокачественность или доброкачественность, свое проклятие и растление, или, напротив, освящение и очищение он получает извне, от иных, отнюдь не материальных уровней нашего бытия. Пол – знак, символ чего-то другого. «Телесное как знак и одновременно реальность незримого духовного» [9, с. 363]. Можно спорить с философом, отождествляющим анатомо-физиологические процессы с процессами половой идентификации. Но Аверинцев рассуждает о поле с точки зрения православного дискурса, в котором эта категория становится символом чего-то незримого. Именно поэтому категория «пол» столь многозначна в православном символизме.

Итак, в русской религиозной философии и в современном православном богословии понятие «пол» – это не биологическая и не политическая, а духовно-онтологическая категория. Он одновременно и дан и задан. В противоположность этому западный феминизм останавливается на политической реальности и не исследует реальность ноуменальную, отрицая понятие Бога. В славянской культуре в разнообразных формах повторяется идея о диалектическом единстве природы и культуры, об их взаимосвязанности. В этом контексте категория «пол» содержит информацию о природе, о Боге, о культуре, она эвристична сама по себе. Это означает, что с точки зрения православия можно обойтись без категории «гендер», анализируя отношения между полами. С другой стороны, понятие «пол» статично, оно четко определяет роли, нормы поведения, ожидания мужчин и женщин, их половые идентичности. Наряду с тем, что ортодоксальная и неортодоксальная православные концепции пола содержат идеи об онтологически-предопределенной сущности женщины, в них находят свое место и мысли о женской субъективности, о праве жить в истории на свой манер, сообразно своей женской «природе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Быт. 1.27. М., 1991.
2. Холко Ф. Основы православия. М., 1991. С. 310.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 52-53.
4. Свешников В. Очерки христианской этики. М., 2000. С. 145-146.
5. Евдокимов П. Женщина и спасение мира: О благодатных дарах мужчины и женщины. Мн., 2000. С. 263.
6. Айвазова С. Истоки феминизма. // Искусство кино, 1991, № 6. С. 23
7. Горичева Т. Ведьмы в космосе // Искусство кино, 1991, № 6. С. 24.
8. Горичева Т. О России с любовью // Воскресенье, 2000, август № 8(13). С. 3.
9. Аверинцев С.С. София-Логос/Словарь. Киев, 2001. С. 357-358.

S U M M A R Y

The article speaks about the comparative analysis of traditional and nontraditional Orthodoxy on the problems of sex in contemporary Russian culture. The author deals with the researches of famous and little known philosophers of the 20th century.

Поступила в редакцию 11.02.2002